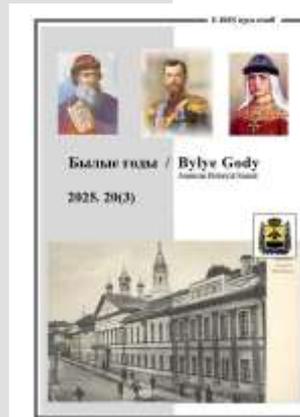

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1065-1073
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1065

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Social Policy of the State in Relation to Families of Lower Ranks in Russia in the 17th – 19th centuries

Igor V. Karpenko ^a, Yana G. Grigoryan ^{a,*}, Maria S. Sergeeva ^a, Ivan M. Chizh ^a

^a I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

Social support for military personnel and their families in Russia in the 17th – 19th centuries is an important component of the process of transforming the army into a powerful tool for the modernization of Russian society. In conditions when a person's status was determined by his social origin, the life of a soldier's family was regulated not by its traditional role, but by the position of the head of the family on active service. In return, military service provided the wife and children of lower ranks with rights and freedoms inaccessible to other members of the community, providing it with a special legal status. The reverse side of this process was the transformation of the soldier's family into the property of the military department, deciding their life and fate based on their own ideas about the needs and capabilities of the state. According to them, the army, in addition to its main purpose, turned into a kind of social institution with a slowly forming system of social security, the actions of which were completely insufficient for the effective solution of the tasks set and demonstrated the inability of pre-reform Russia to meet the state's needs through spontaneous development. Nevertheless, the awareness of the growing responsibility of the state to the lower ranks and the expansion of the number of duties towards them, with a constant burden on the state budget, demonstrated the paternalistic approach that permeated the imperial social order. When the opportunities offered by the state did not correspond to real conditions, they defined new types of activity legally available to an individual member of the soldier's family. Using the offered opportunities, despite all the cruelty and contradictions of the state policy in a state of forced social mobilization, the families of the lower ranks developed new strategies, attempted to find conditions for satisfying their needs and independently adapting to changing living conditions. Their fates reflected the dynamics underlying the interaction of the state, society and its institutions and determined ideas about the rationality and effectiveness of the existing social order.

Keywords: families of lower ranks, social policy, soldiers' children, soldiers' wives.

1. Введение

Изучение опыта влияния военной проблематики на повседневную жизнь российского общества, а также анализ индивидуальных и коллективных практик взаимодействия гражданских и государственных институтов, вовлечённых в решение проблем социальной адаптации военнослужащих и их семей, занимают значительное место в современных исторических исследованиях. Связано это в первую очередь с тем, что анализ возникновения подобных практик требует реконструкции глубинных культурных, социальных, экономических процессов, определяющих особенности отношений общества и государства, личности и власти в конкретном историческом периоде. По мере того, как российское государство сталкивалось с социальными

* Corresponding author

E-mail addresses: karpenko_i_v@staff.sechenov.ru (I.V. Karpenko),
grigoryan.yg@msmu.ru (Ya.G. Grigoryan), sergeeva_m_s@staff.sechenov.ru (M.S. Sergeeva),
chizh_i_m@staff.sechenov.ru (I.M. Chizh)

последствиями военных конфликтов, с появлением большого числа увечных, солдат-инвалидов, неспособных к продолжению службы из-за ранений, а также детей-сирот, вдов, оставшихся без средств существования, оно принимало различные меры, чтобы помочь им выжить и обеспечить их будущее. Исторически в России отношение государства к социальной помощи прошло три этапа (Ульянова, 2000: 164). Если первый этап (до конца XVII в.) в большей степени был связан с проявлением участия в форме индивидуальных пожертвований или церковной милостыни и призрения несчастных в монастырях, то постановления петровского царствования уже содержали указания на признание государством своей ответственности за благосостояние военных, не способных оставаться в рядах армии. Осознание необходимости социальной поддержки людей, отдавших свои силы и здоровье на поле боя, признание существования государственного и общественного долга перед их семьями и детьми, характеризовало наступление третьего этапа (со второй половины XIX в.), в котором усилия общества, государства, церкви, частных благотворителей, вдохновлённые идеями сострадания, патриотизма и человеколюбия, объединились в формах общественного призрения, государственной системы социального обеспечения, частной благотворительности. В отечественной историографической традиции изучение этих форм государственно правовой и общественной поддержки проходило чаще всего сквозь призму публикаций по законодательному обеспечению самих увечных и отставных воинов, в то время как исследование повседневной заботы о семьях военных, довольно редко оказывалось в поле специальных научных исследований. Между тем, исследование данного круга тем может дать богатый материал для выявления существующих социальных и индивидуальных практик в изучении военно-гражданских сюжетов российской истории.

2. Материалы и методы

Основная трудность для систематического изучения проблем социальной поддержки семей военных нижних чинов и их повседневной жизни заключается в отсутствии концентрированного корпуса источников. Решению поставленных задач помогли документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Москва, Российская Федерация), а также законодательные акты, содержащиеся в «Полном собрании законов Российской империи» (1831) (ПСЗРИ) и в «Своде военных постановлений» (1838) (СВП) с последующими дополнительными томами. Другой особенностью исследований военной проблематики является действие в XIX в. цензурных правил, ограничивающих публикации о жизни солдат и членов их семей (Щербинин, 2004: 18). Наиболее значимыми из повествовательных источников явились периодические издания «Военный сборник» и «Исторический сборник», размещавшие статьи об образовании и обучении, возможностях продвижения по службе, бытовых и экономических условиях жизни солдат и солдатских семей. Кроме того, были использованы редкие источники личного происхождения (Данилов, 1842). Найденные материалы помогли реконструировать бытовые реалии жизни семей нижних чинов. В связи с тем, что российские солдаты практически не оставили воспоминаний или дневников, фиксирующих социальные условия их жизни в период службы в российской армии, представленные материалы позволяют воссоздать социальную историю нижних чинов как части трансформаций социокультурного облика российского общества XIX в.

Методология исследования базируется на сочетании как традиционных методов исторического исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, идеографический), так и методов широкого спектра социальных наук и научных направлений: социальной, культурной антропологии, повседневной истории. Применяемый идеографический метод позволил выделить и описать «солдатскую семью» как особую исследовательскую категорию, определив систему отношений внутри неё и условия её особого правового статуса. Трансформация института семей нижних чинов, изменения их социального и финансового положения были проанализированы с применением историко-генетического метода. Историко-сравнительный подход дал возможность сравнить поведенческие практики солдатских семей в XVIII и XIX в., выявить общие и особенные черты в эволюции отношения к ним государства и общества, зафиксировав масштаб социального и административного развития России в исследуемый период. Это позволило сосредоточиться на процессах трансформации социальных практик, рассмотреть явления из частной, повседневной жизни в динамике, во взаимосвязях с социально-политическими, культурными изменениями.

Подходы истории повседневности, социальной и культурной антропологии способствовали выявлению человеческого измерения исторического процесса. Они позволили рассматривать жизнь солдатской семьи, её чувства, заботы, отношения, способность выживать, процветать, противостоять власти и договариваться с властью о своём положении в рамках действующего социального порядка как особую целостность, которая может быть изучена. Кроме того, они способствовали определению аспектов социокультурной мотивации государства в создании системы социального обеспечения семей военнослужащих и, в первую очередь, его представлений о семье солдата как о собственности военного ведомства. Демонстрируемые им при этом жестокость, формализм, высокомерие, узость взглядов и противоречивость подходов могут быть охарактеризованы как составляющие «военной культуры» России того времени. Наконец, проведённый на базе историко-системного подхода анализ инструментов социального контроля власти в отношении семей нижних чинов в России в XVIII–

XIX вв. позволил проанализировать механизмы, связывающие российское служилое государство со структурами общества, обозначить преимущества и недостатки самодержавного патернализма, исследовать практику взаимодействия конкретных людей с переживаемым ими опытом, их ментальностью, образом мыслей, обеспечивающим как экономическую, правовую и культурную гибкость российских социальных и политических институтов, так и легитимность существующего социального порядка.

3. Обсуждение

Историография проблемы социальной поддержки жён и детей военных имеет ряд особенностей. Первая связана с объектом исследования, в качестве которого обычно выступала какая-то одна категория призываемых: отставные военные (Щербинина, Невзоров, 2019), инвалиды (Форсова, 1996), солдатские жёны (Щербинин, 2004), солдатские дети (Невзоров и др., 2019) и т. д. Другая – с предметом исследования, который концентрировался на формировании механизмов поддержки обездоленных как части системы общественного призрения в целом (Сток, 1818; Лыкошин, 1901), на проблемах становления благотворительности как особого механизма взаимодействия общества и государства и их функциональных особенностях (Соколов, 2006). Исследование экономических аспектов благотворительности, особенности её институционального развития позволило оценить уровень социальной эффективности этих учреждений (Ульянова, 2005), в то время как анализ общественно-политических факторов благотворительности сформировал понимание масштабов экономического и социального неравенства, отношения российского общества к действующей общественной иерархии и социальной стабильности в государстве (Lindenmeyr, 1996). Исследование трансформации юридического статуса «военного сословия» (Wirtschaftler, 1990) обозначило представления об изменениях взглядов семей военных нижних чинов — их жизненных установок, ожиданий и моделей поведения. Эти изыскания позволили, в свою очередь, рассмотреть механизмы и стратегии выживания и адаптации представителей военного сословия в России, а также отношение к ним властей и социального окружения.

4. Результаты

Последовательные усилия российского государства по формированию регулярной системы социального призрения военных и их семей относятся к эпохе правления Петра I. В своём стремлении поставить дело помощи обездоленным на постоянную основу, построить рациональное полицейское государство с его регламентацией общественных прав и обязанностей населения, Пётр продемонстрировал системность мышления государственного деятеля, который в борьбе с нищенством не только стремился удалить с улиц военных инвалидов, их вдов и беспризорных детей, но, приказывая приобщать способных к производительным занятиям, а сирот к службе в армии, добивался полезности их содержания для государства. Сословный принцип организации российского общества не предполагал существования независимых людей, не связанных со своей социальной группой системой служебных и податных прав и обязанностей перед государством. Введение Петром I рекрутской повинности с пожизненным сроком службы для военнослужащего и его переход в «военное сословие» означали для рекрута разрыв с исторически сложившимися общественными институтами и с потерей привычных социальных функций. После призыва в армию он переставал быть работником, мужем, налогоплательщиком. Ответственность рекрута за выплату его доли подушной подати до следующей переписи перекладывалась на его семью и на общину.

Изменение социального статуса солдата и длительный срок службы (пожизненный в начале XVIII в., двадцатипятилетний с 1793 г. и двадцатилетний с 1834 г.) создавали основание для формирования отдельного «военного общества» (Wirtschaftler, 1995: 221). Другим аргументом в пользу его особого статуса был принцип воспроизводства военного сословия. Согласно действующему законодательству, с 1719 по 1856 г. солдатские сыновья, а также незаконнорожденные дети солдатских жён, подруг и дочерей выходили из прежнего состояния и теперь принадлежали к «военному ведомству», то есть были предназначены для несения военной службы. За военным ведомством числились также сами солдатские жёны и дочери, чья жизнь определялась государственными указами не только в период службы мужа и отца, но и после его выхода в отставку и даже смерти.

Семейное положение солдат и наличие детей определяли порядок призыва на военную службу. С 1707 г., когда в армию стали забирать не только холостых, но и женатых, женатые мужчины призывались после холостых, а имеющие детей пропускали вперёд своих бездетных родственников (Брандт, 1860: 357).

Статус солдатского сына предоставлял мальчикам возможность получения образования, предоставляемого государством, которое, в свою очередь, открывало для них возможность карьеры и улучшения своего социального положения. Именно солдатские сыновья составляли самую большую группу офицеров, произведённых из низших классов (Wirtschaftler, 1990: 39). Солдатские жёны, перестав принадлежать общине или помещику, обретали статус «свободных». При наличии разрешения от мужа, они могли получить паспорт, селиться в городах, где занимались посадскими промыслами, мелочной торговлей, рукоделием, работали на фабрике. Наконец, для солдатских

дочерей создавались специальные школы, в которых их обучали чтению, письму и различным «женским ремеслам», помогающим прокормить себя во взрослой жизни. В отличие от мальчиков, девочки не могли претендовать на получение формального образования, но, в случае потери одного из родителей, имели право на поступление в Московский воспитательный дом или во 2-е отделение девичьего училища при Павловском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, после чего занимали должности в государственных учреждениях или частных домах (Свод постановлений..., 1848: 60). Таким образом, социальная история российской армии во многом представляет собой историю государственной политики в отношении не только нижних чинов, но и их семей. Эволюция этих отношений демонстрирует амплитуду социального и административного развития России XVIII–XIX вв., отражая динамику, лежащую в основе взаимодействия государства, общества и его институтов и определяющую представления о разумности и эффективности существующего социального порядка.

Российское военное ведомство представляло собой нечто большее, чем организацию, созданную для эффективного управления вооружёнными силами страны. Оно вынуждено было нести функции социального института, с собственной системой социального обеспечения военнослужащих и их семей, сетью образовательных заведений и учреждений системы призрения. Одна из его обязанностей сводилась к компенсаторной функции, предоставляющей семье солдата возможность существования в отсутствие кормильца. После его призыва, исключённые из числа членов общины, а значит оставшиеся без её поддержки, «свободные» жена и дети нижних чинов оказывались на грани нищеты (Виртшафтер, 2002: 103). Община обычно предоставляла землю сыновьям солдат, но не дочерям или бездетным жёнам, поэтому они могли оставаться в деревне, только полагаясь на щедрость своих родных. Солдатки, оставшиеся без мужей, нередко подозревались в распущенности и представляли угрозу для других женщин общины, которые старались выгнать их из деревни. Переселившиеся в города, предлагавшие одиноким женщинам мало возможностей для достойной работы, они, в поисках средств к существованию, нищенствовали и вынужденно занимались проституцией (Ransel, 1988: 21). Формально, у солдатки была возможность присоединиться к своему мужу. Косвенно, право, подтверждённое наказом Петра I князю Волконскому «Об управлении казёнными, земскими и военными делами»: «А буде есть между ими ратными людьми какия женки, или девки, oprичь законных жен, и тех выбить вон, чтоб Великаго Государя ратные люди были в чистоте», определяло возможность жёнам проживать при полках (ПСЗРИ, 1830b: 233). В правление Анны Иоанновны нахождение женщин в расположенных частях считалось неприличным, но разрешалось целями воспроизводства армии: «От разлучения их с мужьями пропадает много солдатских детей, которые потом могли бы быть обращены в службу» (Щербинин, 2004: 40). Наконец, в Своде военных постановлений от 1838 г. государство уже гарантировало жёнам право проживания «при мужьях своих на отведенных им квартирах и иметь при себе детей мужеска пола до 14 лет, а женского до выхода в замужество» (СВП, 1838: 464).

Сведений о том, как жили и чем занимались жёны в полках, очень мало. Известно, что закон от 1766 г. предписывал им зарабатывать себе на жизнь в войсках изготовлением палаток, шитьём, стиркой, вязанием чулок и починкой одежды (ПСЗРИ, 1830a: 527). Кроме указания полковникам о предоставлении надлежащей платы за работу, нет никакой информации о стоимости этих услуг, но вероятно, что большинство женщин не могли рассчитывать на стабильный заработок и жили за счёт квартирного и пищевого довольствия, полагавшегося семье от государства. По законам середины XVIII–второй половины XIX в., жёны, сыновья до 14 лет и дочери нижних чинов входили в общий расчёт с солдатами (жену и трёх дочерей считали за двух солдат) и размещались на постой в казённых квартирах в тех же условиях. Однако, в виду частого отсутствия свободных мест, семьи вынуждены были жить в съёмных помещениях. Военное ведомство предоставляло деньги на аренду (квартирное пособие), но оно было таким маленьким, что большинство семей могли позволить себе снять только угол комнаты (Брандт, 1860: 372).

Независимо от того, жили ли семьи солдат в государственных казармах или в частных домах, они получали от государства денежное довольствие (приварочные деньги) и месячный паёк из двух четвертей муки и двух с половиной гарнцов круп (Щербинин, 2004: 40). Кроме того, семьям выплачивали добавочный паёк на детей (в 1861 г. он достиг одного рубля двадцать копеек), а также деньги на содержание детей (до семи лет – три рубля пятьдесят копеек, а с семи до одиннадцати лет – семь рублей в год) (Щербинин, 2004: 41). Тем не менее, большинство источников регистрировало невыносимые условия, превращавшие жизнь нижних чинов и их семей в постоянную борьбу за выживание. Косвенным подтверждением этого вывода является анализ числа состоявших в войсках с 1841 по 1844 г. нижних женатых чинов, согласно которому, всего 9 % женатых рядовых, служивших в боевых частях, жили со своими жёнами (ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 81. Л. 1-10). Оценка уровня мобильности солдатских жён показывает похожую картину: только около 5 % солдатских жён предпочитали проживать вместе с мужьями, остальные оставались у родственников (80 %) или покидали родные места в поисках заработка (около 15 %) (Щербинин, 2004: 49).

Военное ведомство также пыталось ограничить возможности для семейной жизни, регистрируя трудности как финансового характера, так и проблемы жилищного обеспечения. С 1764 г.

возможностями содержания нижними чинами своих семей занимались их полковые командиры, которые давали разрешение на брак в зависимости от возможностей мужа содержать семью (Савельев, 1881: 31). А устав 1821 г. ограничил и право жён присоединяться к своим мужьям наличием у них собственных финансовых средств, определяя в качестве основных причин скудные экономические возможности и отсутствие свободных площадей (Wirtschaftler, 1990: 36). Таким образом, семьи нижних чинов выполняли определённые обязанности перед государством, а государство, в свою очередь, гарантировало обеспечение их материального положения, которое было недостаточным. Тем не менее, признание необходимости государства нести ответственность за судьбу солдат и их семей представляло иллюстрацию сдвигов в политике и социальных отношениях в России XVIII–XIX вв.

Другой функцией, которую взяло на себя государство в отношении нижних чинов, стало образование солдатских детей. Она отражала задачи коренной модернизации российского общества, начавшейся в XVIII в., стремительного развития государственной бюрократии и указывала на обширные цели и обязанности, которые ставило перед собой государство. В условиях активизации российской внешней политики армия брала на себя роль рычага социального обновления общества на основе профессионализации и специализации.

Не имея возможности опереться на сложившуюся систему образования в стране, военные вынуждены были создавать собственную сеть школ, начиная с начальных и заканчивая профессиональными учебными заведениями. Первые гарнизонные школы для солдатских детей появились в правление Петра I, став обязательными начальными военными учебными заведениями для всех солдатских детей в возрасте от семи до пятнадцати лет, которые содержались и обучались за государственный счёт. Если ребёнок жил в городе, где находилась школа, то за его проживание в семье родители получали провизию и денежную субсидию. В случае, если семья не могла обеспечить содержание своего ребёнка или он был сиротой, то он переходил на полное государственное обеспечение в школу с 5 лет (ПСЗРИ, 1830с: 160-161).

Первоначально государство обязывало гарнизонные школы обучать детей нижних чинов только письму и чтению. Однако уже в 1732 г. было создано некое подобие двухступенной модели образования, где первая ступень, благодаря изучению словесности, арифметики и военного дела, обеспечивала начальный уровень грамотности солдатских детей, а вторая вводила специализацию в соответствии с запросами государства: двадцать учеников занимались пением и музыкой, десять получали знания по геометрии, артиллерии и инженерному делу, ещё десять обучались слесарному мастерству, и, наконец, последние десять проходили курс обучения в канцелярии, чтобы стать писарями. Кроме того, все они проходили курс строевой подготовки. Наиболее талантливые ученики могли оттачивать выбранные в школе навыки до 18 лет, а наименее способные переводились на обучение столярному, токарному, плотничному, кузнечному, портновскому и сапожному делу, обеспечивая полки необходимыми ремесленными услугами (Записки..., 1904: 145-147). К середине 1740-х гг. функционировало пятнадцать таких учреждений, не считая тех, что находились в полках, с общим числом в 4000 учеников (ПСЗРИ, 1830д: 249).

Оставаясь наиболее стабильным и надёжным источником получения начального образования в России, военные школы обучали в своих стенах до 8755 человек в 1763 г., а число учеников достигло 16 000 в 1797 г. (Невзоров, 2020: 49) и уже 378 тыс. к 1856 г. (Wirtschaftler, 1990: 39).

Некоторой эволюцией подходов военного ведомства к организации социальной помощи детям нижних чинов следует считать появление в 1798 г. Императорского военно-сиротского дома с отделениями при каждом военном гарнизоне провинции. Заменявший гарнизонные школы, он продолжил нести важную функцию надёжного источника общего и военного образования и социализации учеников, предлагая дополнительные возможности не только сыновьям (наиболее перспективные воспитанники направлялись служить в военные госпитали или переводились в отделение для детей благородного звания, для получения учительского образования), но и дочерям военнослужащих (Кеер, 1985: 203; ПСЗРИ, 1830е: 489). Специальные женские отделения на 50 мест, кроме грамотности и закона Божьего, обучали девушек навыкам рукоделия и ведения домашнего хозяйства (Соколов, 2006: 217). По достижении 16-летнего возраста воспитанницы могли покинуть дом или остаться в нём жить до получения места в частных домах. Кроме того, все воспитанницы, выходявшие замуж, получали от военного ведомства приданое, составлявшее для солдатских дочерей 300 руб. (Невзоров, 2020: 51). В отличие от выпускниц, выпускники отделений военно-сиротского дома могли претендовать на штатные должности аудиторов, квартирмейстеров, штурманов, коллежских и канцелярских чиновников, что свидетельствовало о расширении возможностей профессионального применения этих специалистов не только в военной, но и гражданской жизни.

Осознанная необходимость в функциональной специализации чиновничьего аппарата России в первой половине XIX в. обеспечила как собственно трансформацию системы образовательных учреждений, так и постоянно увеличивающееся количество учеников в них. Обратной стороной этого процесса была нехватка средств на содержание воспитанников (с 1805 г. им было присвоено наименование «кантонисты»), а также скученность, плохое питание, антисанитарные условия, ставшие причинами болезней и смертей учеников, что делало затруднительным получение

воспитанниками подготовки, столь желанной для власти. Не менее значимым было отношение к судьбе кантонистов их самих и их семей, которые оценивали её как своего рода «каторгу» и старались избежать всеми возможными способами (Кретчмер, 1888: 646). Тем не менее, создававшиеся специализированные школы и отделения при кантонистских батальонах и других воинских частях сохраняли возможность получения детьми нижних чинов бесплатного профессионального образования, а государством – квалифицированных рабочих и научно-технических кадров.

В целом, политика в отношении солдатских семей сочетала в себе соображения социального обеспечения с военными и административными потребностями государства, предоставляя материальные и образовательные ресурсы для обеспечения настоящего и будущего солдатских семей как отдельной социальной категории. Она отражала финансовые, организационные, юридические особенности империи, заставлявшие военное ведомство постоянно подстраивать существующие модели социальной помощи к потребностям и возможностям государства.

5. Заключение

Социальная политика российского государства в отношении семей нижних чинов в XVIII–XIX вв. представляет собой пример административного и человеческого измерения практик взаимодействия военнослужащих и общества, позволяющих режиму обеспечивать нуждающихся и в то же время служить собственным интересам. Хотя правительство демонстрировало искреннюю заботу о солдатских семьях, масштабы оказания им помощи отвечали, в первую очередь, задачам военного реформирования или более широким программам государственной модернизации. Направленные на продвижение государственных интересов или на повышение культурно-образовательного уровня российского общества, эти программы часто требовали как преодоления сопротивления большей части российского общества, так и масштабных материальных или интеллектуальных вложений, почти всегда находившихся за пределами возможностей властей. Тем не менее, именно эти попытки становились единственными действующими механизмами социальной трансформации семей нижних военных чинов, самореализующимися в своём динамично меняющемся статусе. Несмотря на то, что семьи солдат представляли собой огромную проблему социального обеспечения государства, оно ограничивало, но не отменяло право семьи на совместное существование. Государство не отказывалось от своих правовых или моральных обязательств, последовательно расширяя свои обязанности по отношению к солдатским семьям. Когда предлагаемые государством возможности не соответствовали реальным условиям, они в значительной степени определяли виды деятельности, юридически доступные для отдельного члена семьи солдата. В результате, солдатские семьи, в условиях всеобщей незащищённости, вырабатывали новые стратегии, предпринимали попытки поиска условий для удовлетворения своих потребностей и самостоятельной адаптации к изменяющимся условиям жизни. Эти попытки также отражали роль армии как социального института, служащего благосостоянию, экономическим и образовательным потребностям общества в целом.

Литература

- Брандт, 1860 – Брандт П. Женатые нижние чины // *Военный сборник*. 1860. № 12. С. 357-378.
- Виртшафтер, 2002 – Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. 271 с.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Данилов, 1842 – Данилов М.В. Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 году. М., 1842. 131 с.
- Записки..., 1904 – Записки, собранные по повелению императора Павла I, о начале регулярного войска, о ново и славяно-сербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах. / *Сборник военно-исторических материалов*. СПб., 1904. Вып. 16. 169 с.
- Кретчмер, 1888 – Кретчмер М.А. Воспоминания // *Исторический вестник*. 1888. Т. XXXI. № 3. С.631-653.
- Лыкошин, 1901 – Лыкошин П.Н. Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности. СПб., 1901. 264 с.
- Невзоров и др., 2019 – Невзоров Е.Ю., Букалова С.В., Симонов С.Н. Солдатские дети как особый социальный институт в Российской империи во второй половине XIX века // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2019. Т.24. № 181. С. 164-172.
- Невзоров, 2020 – Невзоров Е.Ю. Солдатские дети в Тамбовской губернии в XVIII – XIX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тамбов, 2020. 209 с.
- ПСЗРИ, 1830а – Инструкция конного полка полковнику. Глава XXV «О солдатских женах и о солдатских детях» / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830. Т. XVII (1765–1766). № 12543 (14 января 1766 г.).
- ПСЗРИ, 1830б – Наказ князю Волконскому, назначенному в город Чернигов воеводою «Об управлении казенными, земскими и военными делами» / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830. Т. III (1659–1699). № 1540 (8 февраля 1690 г.).

ПСЗРИ, 1830с – О выдаче денег сверхкомплектным солдатским школьникам на пищу и одежду; о приеме солдатских детей в школы и о сумме на их содержание / Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830. Т. XVII (1765–1766). № 12412 (7 июня 1765 г.).

ПСЗРИ, 1830д – О соединении в провинциях и губерниях арифметических и гарнизонных школ в одно место; об обучении в них всякого чина людей на своем иждивении; о бытии там школам в ведомстве Комендантов; о присылке об оных рапортов, и о жаловании учителей / Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830. Т. XII (1744–1748). № 9054 (26 октября 1744 г.).

ПСЗРИ, 1830е – Об учреждении Императорского Военно-Сиротского Дома и Отделений оного при гарнизонных полках / Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830. Т. XXV (1798–1799). № 18793 (23 декабря 1798 г.).

Савельев, 1881 – Савельев А. А. Юридические отношения между супругами, по законам и обычаям великорусского народа. Н. Новгород, 1881. 94 с.

Свод постановлений..., 1848 – Свод постановлений о солдатских детях и по другим предметам. СПб., 1848. 101 с.

СВП, 1833 – О правах семейств нижних военных чинов. Отделение второе. Устава о службе по военному ведомству // *Свод военных постановлений*. СПб., 1838.

Соколов, 2006 – Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). СПб., 2006. 648 с.

Стол, 1818 – Стол А.Д. О общественном призрении в России. Ч. 1, 2. СПб., 1818.

Ульянова, 2005 – Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. 415 с.

Ульянова, 2000 – Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX – начала XX века. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества / *Труды Института российской истории РАН. 1997-1998 гг.* / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. Выпуск 2. М., 2000. 480 с.

Форсова, 1996 – Форсова В.В. Общественное призрение военных и их семей в дооктябрьской России // *Вестник РАН*. М., 1996. Т. 66. № 8. С. 750-758.

Щербинин, 2004 – Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в.: монография. Тамбов, 2004. 507 с.

Щербинина, Невзоров, 2019 – Щербинина Ю.В., Невзоров Е.Ю. Демографическое поведение и семейная жизнь военных ветеранов в Российской империи в XVIII-XIX веках // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2019. Т. 24, №178. С. 121-127.

Keep, 1985 – Keep J.L.H. Soldiers of the tsar: Army a. soc. in Russia, 1462-1874. Oxford. 1985. 431 p.

Lindenmeyr, 1996 – Lindenmeyr A. Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton. 1996. 335 p.

Ransel, 1988 – Ransel D.L. Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton. 1988. 330 p.

Wirtschafter, 1995 – Wirtschafter E.K. Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // *The Journal of Military History* V. 59. No. 2 (April 1995). Pp. 215-235.

Wirtschafter, 1990 – Wirtschafter E.K. From serf to Russian soldier. Princeton. 1990. 214 p.

References

Brandt, 1860 – Brandt, P. (1860). Zhenatyey nizhniye chiny [Married lower ranks]. *Voyennyi sbornik*. 4: 357-378. [in Russian]

Danilov, 1842 – Danilov, M.V. (1842). Zapiski artillerii mayora Mikhaila Vasil'yevicha Danilova, napisannyye im v 1771 godu. [Notes of artillery major Mikhail Vasilyevich Danilov, written by him in 1771]. Moskva. 131 p. [in Russian]

Forsova, 1996 – Forsova, V.V. (1996). Obshchestvennoye prizreniye voyennykh i ikh semey v dooktyabr'skoy Rossii [Public charity of military men and their families in pre-October Russia]. *Vestnik RAN*. 66(8): 750-758. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation].

Keep, 1985 – Keep, J.L.H. (1985). Soldiers of the tsar: Army a. soc. in Russia, 1462-1874. Oxford. 431 p.

Kretchmer, 1888 – Kretchmer, M.A. (1888). Vospominaniya [Memories]. *Istoricheskii vestnik*. 31(3): 631-653. [in Russian]

Lindenmeyr, 1996 – Lindenmeyr, A. (1996). Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton. 335 p.

Lykoshin, 1901 – Lykoshin, P.N. (1901). Blagotvoritel'naya Rossiya. Istoriya gosudarstvennoy, obshchestvennoy i chastnoy blagotvoritel'nosti [Charitable Russia. History of state, public and private charity]. SPb., 264 p. [in Russian]

Nevezorov i dr., 2019 – Nevezorov, Ye.Yu., Bukalova, S.V., Simonov, S.N. (2019). Soldatskiye deti kak osobyy sotsial'nyy institut v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX veka [Soldiers' children as a special

social institution in the Russian Empire in the second half of the 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 24(181): 164-172. [in Russian]

Nezvorov, 2020 – *Nezvorov Ye. Yu.* (2020). Soldatskiye deti v Tambovskoy gubernii v XVIII – XIX vv. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Soldiers' children in the Tambov province in the 18th – 19th centuries. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Tambov, 209 p. [in Russian]

PSZRI, 1830a – Instruksiya konnogo polka polkovniku. Glava XXV «O soldatskikh zhenakh i o soldatskikh detyakh» [Instructions of the Cavalry Regiment to the Colonel. Chapter XXV “On Soldiers’ Wives and Soldiers’ Children”]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Pervoye. 1649–1825 gg.* Spb., 1830. Vol. XVII (1765–1766), No. 12543 (January 14, 1766). [in Russian]

PSZRI, 1830b – Nakaz knyazyu Volkonskomu, naznachennomu v gorod Chernigov voyevodoyu «Ob upravlenii kazennymi, zemskimi i voyennymi delami» [Instruction to Prince Volkonsky, appointed governor of the city of Chernigov “On the management of state, zemstvo and military affairs”]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Pervoye. 1649–1825 gg.* Spb., 1830. Vol. III (1659-1699), No. 1540 (February 8, 1690). [in Russian]

PSZRI, 1830c – O vydache deneg sverkhkomplektnym soldatskim shkol'nikam na yedu i odezhdu; o priyeme soldatskikh detey v shkoly i o summe na ikh sodержaniye [On the issuance of money to surplus soldier schoolchildren for food and clothing; on the admission of soldiers' children to schools and on the amount for their maintenance]. *Polnoye sobraniye organizatsii Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye. 1649–1825 gg.* SPb., 1830. Vol. XVII. (1765–1766). № 12412. (June 7, 1765). [in Russian]

PSZRI, 1830d – O soyedinenii v provintsiyakh i guberniyakh arifmeticheskikh i garnizonnykh shkol v odno mesto; o obuchenii v nikh vsyakogo china lyudey na svoem izhdivenii; o bytii tam shkolam v vedomstve Komendantov; o prisylke ob onykh raportov, i o zhalovanii uchiteley [On the unification of arithmetic and garrison schools in the provinces and governorates into one place; on the education of people of all ranks at their own expense; on the existence of schools there under the jurisdiction of Commandants; on the sending of reports on them, and on the salaries of teachers]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye. 1649–1825 gg.* Spb., 1830. Vol. XII. (1744-1748). № 9054. (October 26, 1744). [in Russian]

PZSRI, 1830e – Ob uchrezhdenii Imperatorskogo Voyenno-Sirotskogo Doma i Otdeleniy onogo pri garnizonnykh polkakh [On the establishment of the Imperial Military Orphanage and its branches under garrison regiments]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye. 1649-1825 gg.* SPb., 1830. T. XXV. (1798–1799) № 18793. (December 23, 1798). [in Russian]

Ransel, 1988 – *Ransel, D.L.* (1988). Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton. 330 p.

Savel'yev, 1881 – *Savel'yev, A.A.* (1881). Yuridicheskiye otnosheniya mezhdru suprugami, po zakonom i obyayam velikorusskogo naroda [Legal relations between spouses, according to the laws and customs of the Great Russian people]. Nizhniy Novgorod. 94 p. [in Russian]

Shcherbinin, 2004 – *Shcherbinin, P.P.* (2004). Voyenny faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII – nachale XIX v.: monografiya. [The military factor in the everyday life of Russian women in the 18th – early 20th centuries: monograph]. Tambov, 507 p. [in Russian]

Shcherbinina, Nezvorov, 2019 – *Shcherbinina, Yu.V., Nezvorov, Ye.Yu.* (2019). Demograficheskoye povedeniye i semeynaya zhizn' voyennykh veteranov v Rossiyskoy imperii v XVIII-XIX vekakh [Demographic behavior and family life of military veterans in the Russian Empire in the 18th-19th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 24(178): 121-127. [in Russian]

Sokolov, 2006 – *Sokolov, A.R.* (2006). Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII – konets XIX v.) [Charity in Russia as a Mechanism of Interaction between Society and the State (early 18th – late 19th centuries)]. SPb., 648 p. [in Russian]

Stog, 1818 – *Stog, A.D.* (1818). O obshchestvennom prizrenii v Rossii [On public charity in Russia]. Part.1, 2. SPb. [in Russian]

Svod postanovleniy..., 1848 – Svod postanovleniy o soldatskikh detyakh i po drugim predmetam [Code of Regulations on Soldiers’ Children and Other Subjects]. SPb., 1848. 101 p. [in Russian]

SVP, 1833 – O pravakh semeystv nizhnikh voyennykh chinov. Otdeleniye vtoroye. Ustava o sluzhbe po voyennomu vedomstvu [On the rights of families of lower military ranks. Section two. Charter on service in the military department]. Svod voyennykh postanovleniy, SPb. [in Russian]

Ul'yanova, 2000 – *Ul'yanova, G.N.* (2000). Blagotvoritel'nost' i obshchestvennoye prizreniye v Rossii XIX~nachala XX veka. Institutsional'noye razvitiye v kontekste formirovaniya grazhdanskogo obshchestva [Charity and public assistance in Russia in the 19th – early 20th centuries. Institutional development in the context of the formation of civil society]. Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN. 1997-1998 gg. Issue 2. M. 480 p. [in Russian]

Ul'yanova, 2005 – *Ul'yanova, G.N.* (2005). Blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy imperii. XIX – nachalo XX veka [Charity in the Russian Empire. XIX – early XX centuries]. M., 415 p. [in Russian]

Wirtschafter, 1990 – *Wirtschafter, E.K.* (1990). From serf to Russian soldier. Princeton. 214 p.

Wirtschafter, 1995 – *Wirtschafter E.K.* (1995). Social Misfits: Veterans and Soldiers’ Families in Servile Russia. *The Journal of Military History*. 59 (2): 215-235.

Wirtshafter, 2002 – *Wirtshafter, E.K.* (2002). Social structures: commoners in the Russian Empire. [Social structures: commoners in the Russian Empire]. Moscow, 271 p. [in Russian]

Zapiski..., 1904 – *Zapiski, sobrannyye po poveleniyu imperatora Pavla I, o nachale regul'yarnogo voyska, o novo i slavyano-serbskikh poseleniyakh, o polkakh gusarskikh i pandurskikh i o voyennykh shkolakh* [Notes, collected by order of Emperor Paul I, on the beginning of the regular army, on the New and Slavic-Serbian settlements, on the hussar and Pandur regiments and on military schools]. *Sbornik voenno-istoricheskikh materialov*. SPb., 1904. Vyp. 16. 169 p. [in Russian]

Социальная политика государства в отношении семей нижних чинов в России в XVII–XIX вв.

Игорь Владимирович Карпенко ^a, Яна Грантовна Григорьян ^{a, *}, Мария Сергеевна Сергеева ^a, Иван Михайлович Чиж ^a

^a Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва, Российская Федерация

Аннотация. Социальная поддержка военнослужащих и их семей в России в XVII–XIX вв. является важной составляющей процесса превращения армии в мощный инструмент модернизации российского общества. В условиях, когда статус человека определялся его социальным происхождением, жизнь семьи солдата регулировалась не её традиционной ролью, а положением главы семейства, находящегося на действительной службе. Взамен военная служба предоставляла жене и детям нижних чинов права и свободы, недоступные другим членам общины, обеспечивая ей особый юридический статус. Обратной стороной этого процесса было превращение семьи солдата в собственность военного ведомства, решающего их жизнь и судьбу исходя из собственных представлений о потребностях и возможностях государства. Согласно им, армия, помимо своего основного предназначения, превратилась в своего рода социальный институт с медленно формирующейся системой социального обеспечения, действия которого были совершенно недостаточны для эффективного решения поставленных задач и демонстрировали неспособность дореформенной России удовлетворить государственные потребности путём спонтанного развития. Тем не менее, осознание растущей ответственности государства перед нижними чинами и расширение числа обязанностей по отношению к ним при постоянной нагрузке на государственный бюджет демонстрировало патерналистский подход, который пронизывал имперский социальный порядок. Когда предлагаемые государством возможности не соответствовали реальным условиям, они определяли новые виды деятельности, юридически доступные для отдельного члена семьи солдата. Используя предлагаемые возможности, при всей жестокости и противоречивости политики государства, находящегося в состоянии принудительной социальной мобилизации, семьи нижних чинов вырабатывали новые стратегии, предпринимали попытки поиска условий для удовлетворения своих потребностей и самостоятельной адаптации к изменяющимся условиям жизни. Их судьбы отражали динамику, лежащую в основе взаимодействия государства, общества и его институтов, и определяли представления о разумности и эффективности существующего социального порядка.

Ключевые слова: семьи нижних чинов, социальная политика, солдатские дети, солдатские жены.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: karpenko_i_v@staff.sechenov.ru (И.В. Карпенко), grigoryan.yg@msmu.ru (Я.Г. Григорьян), sergeeva_m_s@staff.sechenov.ru (М.С. Сергеева), chizh_i_m@staff.sechenov.ru (И.М. Чиж)